

Николай Семенович Лесков

Под Рождество обидели

Лесков Николай Семенович

Под Рождество обидели

Николай Семёнович Лесков
Под Рождество обидели
(Житейские случаи)

На этом месте я хотел рассказать вам, читатели, не о том, о чем будет беседа. Я хотел говорить на рождество про один из общественных грехов, которые мы долгие веки делаем сообща всем миром и воздержаться от него не хотим. Но вдруг под вернулся неожиданный случай, что одного моего знакомого, - человека, которого знает множество людей в Петербурге, - под праздник обидели, а он так странно и необыкновенно отнесся к этой обиде, что это заслуживает внимания вдумчивого человека. Я про это и буду рассказывать, а вы прослушайте, потому что это такое дело, которое каждого может касаться, а меж тем оно не всеми сходно понимается.

Есть у меня давний и хороший приятель. Он занимается одним со мною делом. Настоящее его имя я называть вам не стану, потому что это будет ему неудобно, а для вас, как его ни зовут, - это все равно: дело в том, каков он человек, как его обидели и как он отнесся к обидчикам и к обиде. Человек, про которого я

говоря, не богатый и не бедный, одинок, холост и хотя мог бы держать для себя двух прислуг, но не держит ни одной. И это делалось так не по скупости, а он стеснялся - какого нрава или характера поступит к нему служащий человек, да и что этому человеку делать при одиноком? Исскушается слуга от нечего делать и начнет придирается и ссориться и выйдет от него не угодье, а только одни досаждения. А сам приятель мой нрава спокойного и уступчивого, пошутить не прочь, а от спора и ссор удаляется. Для своего удобства он устроил так, что нанял себе небольшую квартиру в надворном флигеле, в большом и знатном доме на набережной, и прожил много лет благополучно. Хозяйства он никакого дома не держит, а необходимые услуги ему делал дворник. Когда же нужно уйти со двора, приятель запрет квартирную дверь, возьмет ключ в карман и уходит. Квартира небольшая, однако в три комнатки и помещается во втором этаже, среди жилья, и лестница как раз против дворницкой. Такое расположение, что, кажется, совсем нечего опасаться и, как я говорю, - много лет прошло со-

вершено благополучно, а вдруг теперь под рождество случилась большая обида.

Здесь, однако, я возьму на минуточку в сторону и скажу, что мы с этим приятелем видимся почти всякий день, и на днях говорили о том, что случилось раз в нашем родном городе. А случилась там такая вещь, что один наш тамошний купец ни за что не согласился быть судьей над ворами и вот что об этом рассказывают. Давно в этом городе жили-были три вора. Город наш издавна своим воровством славится и в пословицах поминается. И задумали эти воры обокрасть кладовую в богатом купеческом доме. А кладовая была каменная и окон внизу в ней не было, а было только одно очень маленькое оконце вверху, под самую крышей. До этого оконца никак нельзя было долезть без лестницы, да если и долезешь, то нельзя было в него просунуться, потому что никак взрослому человеку в крохотное окно не протиснуться. А воры, как наметили этого купца обокрасть, так уж от своей затеи не отстают, потому что тут им было из-за чего потрудиться: в кладовой было множество всякого добра - и летней одежды и ме-

ховых шапок, и шуб, и подушек пуховых, и холста и сукон - всего набито от потолка до самого до полу... Как смелому вору такое дело бросить? Вот воры и придумали смелую штуку.

Один вор, бессемейный, говорит другому, семейному: - Я хорошее средство придумал: у тебя есть сынишка пяти годов - он еще маленький, и тельцем мягок, - он в это окно может протиснуться. Если мы его с собой возьмем - мы с ним можем все это дело обдействовать. Уведи ты мальчишку от матери и приведи с собою под самое рождество - скажи, что пойдешь помолиться к заутрене, да и пойдём все вместе действовать. А как придем, то один из нас станет внизу, а другой влезет на плечи, а третий этому второму на плеча станет, и такой столб сделаем, что без лестницы до окна достанем, а твоего мальчонку опояшем крепко веревкою, и дадим ему скрытый фонарь с огнем да и спустим его через окно в середину кладовой. Пусть он там оглядится и распояшется, и пусть отбирает все самое лучшее и в петлю на веревку завязывает, а мы станем таскать, да все и повытаскаем, а

потом опять дитя само подпояшется, - мы и его назад вытащим и поделим все на три доли с половиною: нам двоим поровну, а тебе с младенцем против нас полторы доли, и от нас ему сладких закусок, - пускай отрок радуется и к ремеслу захотится. Отец-то вор - хорош, видно, был - не отказался от этого, а согласился; и как пришел вечер сочельника, он и говорит жене: - Я ноне пообщался сходить в монастырь ко всенощной, - там благолепное пение, собери со мной паренька. Я его с собой возьму - пусть хорошее пение послушает. Жена согласилась и отпустила парня с отцом. А тогда все три вора в монастырь не пошли, а сошлись в кабаке за Московскою заставою и начали пить водку и пиво умеренно; а дитя положили в уголке на полу, чтобы немножечко выспалось; а как ночь загустела и целовальник стал на засов кабак запирать, - они все встали, зажгли фонарь и ушли, и ребенка с собой повели, да все, что затевали, то все сделали. И вышло это у них сначала так ловко, что лучше не надо требовать: мальчонка оказался такой смышленный и ловкий, что вдруг в кладовой осмотрелся и быстро цепля-

ет им в петлю самые подходящие вещи, а они все вытаскивают, и наконец столько всякого добра натаскали, что видят - им втроем уж больше и унести нельзя. Значит, и воровать больше не для чего. Тогда нижний и говорит среднему, а средний тому, который наверху стоит: - Довольно, братцы, - нам на себе больше не снести. - Скажи парню, чтобы он опоясался веревкою, и потянем его вон наружу. Верхний вор, который у двух на плечах стоял, и шепчет в окно мальчику: - Довольно брать, больше не надобно... Теперь сам себя крепче подпояшь да и руками за канат держись, а мы тебя вверх потянем. Мальчик опоясался, а они стали его тащить и уже до самого до верха почти вытащили, как вдруг, - чего они впотьмах не заметили, - веревка-то от многих подач о края кирпичной кладки обципалася и вдруг лопнула, так что мальчишка назад в обворованную кладовую упал, а воры от этой неожиданности потерявши равновесие и сами попадали... Сразу сделался шум, и на дворе у купца заметались цепные собаки и подняли страшный лай... Сейчас все люди проснутся и выскочут, и тогда, разумеется, ворам гибель.

К тому же как раз сближалось время, что люди станут скоро вставать и пойдут к заутрене и тогда непременно воров изловят с поликою. Воры схватили кто что успел зацепить и бросились наутек, а в купеческом доме все вскочили, и пошли бегать с фонарями, и явились в кладовую. И как вошли сюда, так и видят, что в кладовой беспорядок и что очень много покрадено, а на полу мальчик сидит, сильно расшибленный, и плачет.

Разумеется, купеческие молодцы догадались, в чем дело, и бросились под окно на улицу и нашли там почти все вытащенное хозяйское добро в целости, потому что испуганные воры могли только малую часть унести с собой... И стали все суетиться и кричать, что теперь делать: давать ли знать о том, что случилось, в полицию или самим гнаться за ворами? А гнаться впотьмах-то не знать в какую сторону, да и страшно, потому что воры ведь, небось, на всякий случай с оружием и впотьмах убьют человека как курицу. У нас в городе воры ученые, - шапки по вечерам выходили снимать и то не с пустыми руками, а с такой инструментинной вроде щипцов с пе-

телькою, - называлась "кобылкою". (Об ней в шуйских памятях писано.) А купец, у которого покражу сделали, отличный человек был - умный, добрый и рассудительный, и христианин; он и говорит своим молодцам: - Оставьте, не надобно. Чего еще! Все мое добро почти в целости, а из-за пустяка и гнаться не стоит. А молодцы говорят: - То и есть правда: нам Господь дитя на уличенье злодеев оставил. Это перст видимый: по нем все укажется, каких он родителей, - тогда все и объявится. А купец говорит: - Нет, не так: дитя - молодая душа неповинная, он не добром в соблазн введен - его выдавать не надобно, а прибрать его надобно; не обижайте дитя и не трогайте: дитя - Божий посол, его надо согреть и принять как для Господа. Видите, вон он какой... познобившись весь, да и трясется, испуганный. Не надо его ни о чем спрашивать. Это не христианское дело совсем, чтобы дитя ставить против отца за доказчика... Бог с ним совсем, что у меня пропало, они меня совсем еще не обидели, а это дитя ко мне Бог привел, вы и молчите, может быть, оно у меня и останется. И так все стали молчать, а спрашивать

этого мальчика никто не приходил, и он у купца и остался, и купец его начал держать как свое дитя и приучать к делу. А как он имел добрую и справедливую душу, то и дитя воспитал в добром духе, и вышел из мальчика прекрасный, умный молодец и все его в доме любили. А у купца была одна только дочь, а сыновей не было, и дочь эта, как вместе росла с воровским сыном, то с ним и слюбилася. И стало это всем видимо. Тогда купец сказал своей жене: - Слушай, пожалуйста, дочь наша доспела таких лет, что пора ей с кем-нибудь венец принять, а для чего мы ей станем на стороне жениха искать, Это ведь дело сурьезное, особливо как мы люди с достатками и все будут думать, чтобы взять за нашей дочерью большое приданое, и тогда пойдет со всех сторон столько вранья и притворства, что и слушать противно будет. Жена отвечает: - Это правда, так всегда уже водится. - То-то и есть, - говорит купец, - еще навернется какой-нибудь криводушник да и прикинется добрым, а в душе совсем не такой выйдет. В человека не влезешь ведь: загубим ведь мы девку как ясочку, и будем потом и себя ко-

рить и ее жалеть, да без помощи. Нет, давай-ка устроим степеннее. - Как же так? - говорит жена. - А вот мы как дело-то сделаем: обвенчаем-ка дочку с нашим приемышем. Он у нас доморощенный, парень ведомый, да и дочь - что греха таить - вся она к нему пала по всем мыслям. Повенчаем их и не скаемся. Согласились так и повенчали молодых; а старики дожили свой век и умерли, а молодые все жили и тоже детей нажили и сами тоже состарились. А жили все в почете и в счастье, а тут и новые суды пришли, и довелось этому приемышу тогда уже старику - сесть с присяжными, и начали при нем в самый первый случай судить вора. Он и затрепетал и сидит слушает, а сам то бледнеет, то краснеет и вдруг глаза закрыл, но из-под век у него побежали по щекам слезы, а из старой груди на весь зал раздались рыдания. Председатель суда спрашивает: - Скажите, что с вами? А он отвечает: - Отпустите меня, я не могу людей судить. - Почему? - говорят, - это круговой закон: правым должно судить виноватого. А он отвечает: - А вот то-то и есть, что я сам не прав, а я сам несудимый вор и умоляю, доз-

вольте мне перед всеми вину сознать. Тут его сочли в возбуждении и каяться ему не дозволили, а он после сам рассказал достойным людям эту историю, как в детстве на веревке в кладовую спускался и пойман был и помилован, и остался как сын у своего благодетеля, и всех это его покаяние тронуло и никого во всем городе не нашлось, кто бы решился укорить его прошлую неосужденую виною, - все к нему относились с почтеньем по-прежнему, как он своею доброю жизнью заслуживал.

Поговорили мы об этом с приятелем и порадовались: какие у нас иногда встречаются нежные и добрые души. - Утешаться надо, - говорю, - что такое добро в людях есть. - Да, - отвечает приятель, - хорошо утешаться, а еще лучше того - надо самому наготове быть, чтобы при случае знать, как с собой управиться. Так мы говорили (это на сих днях было), а на завтра такое случилось, что разве как только в театральных представлениях все кстати случается. Приходит ко мне мой приятель и говорит: - Дело сделано. - Какое? - У меня неприятности. Думаю: верно что-нибудь маловажное, потому что он мужик мнитель-

ный. - Нет, - говорит, - неприятность огромная: кто-то обидно покой мой нарушил. Вышел я всего на один час, а как вернулся и стал ключ в дверь вкладывать, а дверь сама отворилась... Смотрю, на полу ящик из моего письменного стола лежит и все высыпано... золотая цепочка валяется и еще кое-что ценное брошено, а взяты заветные вещи и золотые часы, которые покойный отец подарил, да древних монеток штук шестьсот, да конверт, в котором лежало пятьсот рублей на мои похороны и билет на могилу рядом с матерью... Я и слова не нахожу, что ему сказать от удивления. - Что это? Вчера говорили про историю, а сегодня над одним из нас готово уже в таком самом роде повторение. Точно на экзамен его вызвали. - Ну-ка, мол, вот ты вчера чужой душой утешался, - так покажи-ка, мол, теперь сам, какой в тебе живет дух довлеющий? Присел я молча и спрашиваю: - Что же вы сделали? - Да ничего, - отвечает, - покуда еще не сделал, да не знаю и делать ли? Говорят, надо явку подавать... И спрашивает меня по-приятельски: каков мой совет? А что тут советовать? Про явки ему уже сказано, а в

другом роде - как советовать? Пропало не мое, а его добро - чужую обиду легко прощать... - Нет, - говорю, - я советовать не могу, а если хотите, я могу вам сказать, как со мною раз было подобное и что дальше случилось. Он говорит: пожалуйста, расскажите. Я и рассказал, что раз со мною и с вором случилось.

Сделал я раз себе шубу, и стала она мне триста рублей, а была претяжелая. Так, бывало, плечи отсадит, что мочи нет. Я и взял с нею дурную привычку идучи все ее с плеч спускать и от того скоро обил в ней подол. Утром в рождественский сочельник служанка говорит мне: - Шуба подбилася: я по-портновски мех подшить не умею, посажу на игле, весь подол станет морщиться; дворник говорит, что рядом в доме у него знакомый портнишка есть - очень хорошо починку делает; не послать ли к нему шубу с дворником? Он к вечеру ее назад принесет. Я отвечаю: "Хорошо". Девушка и отдала мою шубу дворнику, а дворник отнес ее рядом в дом, своему знакомому портнишке. А сочельник пришел с оттепелью, капли капали: вечером мне шуба не понадобилась - в пальто было в пору. Я про

шубу забыл и не спросил ее, а на рождество слышу, в кухне какой-то спор и смущение: дворник бледный и испуганный, не с праздником поздравляет, а рассказывает, что моей шубы нет и сам портнишка пропал... Просит меня дворник, чтобы я подал явку. Я не стал подавать, а он от себя подал. Он подал явку, а шубы моей, разумеется, все нет как нет, и говорят, что и портного нет... Жена у него осталась с двумя детьми, - один лет трех, а другой грудной... Бедность, говорят, ужасающая: и женщина и дети страшные, испытые, - жили в угле, да и за угол не заплочено, и еды у них никакой нет. А про мою шубу жена говорит, будто муж шубу починил и понес ее, чтобы отдать, да с тех пор и сам не возвращается... Искали его во всех местах, где он мог быть, и не нашли... Пропал портнишка, как в воду канул... Я подосадовал и другую шубу себе сделал, а про пропажу забывать стал, как вдруг неожиданно на первой недели великого поста прибегает ко мне дворник... весь впопыхах и лепечет скороговоркою: - Пожалуйста к мировому, я портнишку подсмотрел... подсмотрел его, подлеца, как он к жене тайно

приходил, и сейчас его поймал и к судье свел. Он там у сторожа... Сейчас разбор дела будет... скорее, пожалуйста... подтвердить надо... ваша шуба пропала. Я поехал... Смотрю, действительно сторож бережет какого-то человека худого, тощего, волосы как войлочек, ноги портновские - колесом изогнуты, и весь сам в отрепочках, - починить некому и общий вид какой-то полумертвый. Судья спрашивает меня: пропала ли у меня шуба, какая она была и сколько стоила? Я отвечаю по правде: была шуба такая-то, заплочена была триста рублей, а потом ношена и сколько стоила во время пропажи - определить не могу; может быть, на рынке за нее и ста рублей не дали бы. Судья стал допрашивать портного - тот сразу же во всем повинился: "Я, говорит, - ее подшил и к дворнику понес, чтобы отдать и деньги за работу получить... На грех дворника дома не было и дверь была заперта, а господина я не знал по фамилии, ни где живут, а у нас в сочельник в семье не было ни копейки. Я и пошел со двора, да и заложил закладчику шубу, а на взятые под залог деньги купил чайку-сахарцу, пивка-водочки, а потом утром испугал-

ся и убежал, и последние деньги пропил и с тех пор все путался". А теперь он и не знает, где и квиток потерял, и закладчика указать не может. - Виноват, пропала шуба. - А сколько, по-вашему, шуба стоила? Портной не стал вилять и говорит: - Шуба была хорошая. - Да сколько же именно она могла стоить? - Шуба ценная... - Сто рублей она могла, например, стоить? Портной себя превосходит в великодушии. - Больше, - говорит, - могла стоить. - И полтора ста стоила? - Стоила. Словом - молодец портной: ни себя, ни меня не конфузит. Судья и зачитал: "по указу", и определил портного на три месяца в тюрьму посадить, а потом, чтобы он мне за шубу деньги заплатил. Вышло, значит, мне удовлетворение самое полное, и больше от судьи ожидать нечего. Я пошел домой, портнишку повели в острог, а его жена с детьми завыли в три голоса. Чего еще надобно?

Дал Бог мне, что я вскоре же заболел ревматизмом, который по-старинному, по-русски называли "комчугою". Верно ей дано это название! Днем эта болезнь еще и так и сяк терпеть можно, а как ночь придет, так она на-

чинает "комчить", и нет возможности ни на минуту уснуть. А как лежишь без сна, то неведь что припоминается и представляется, и вот у меня из головы не идет мой портнишка и его жена с детьми... Он теперь за мою шубу в остроге сидит, а с бабой и детьми-то что делается?.. И при нем-то им было худо, а теперь, небось, беде уж и меры нет... А мне от всего этого суда и от розыска что в пользу прибыло? Ничего он мне никогда этот портнишка заплатить-то не может, да если бы я и захотел что-нибудь с него донимать по мелочи, так от всего от этого будет только "сумой пахнуть"... Никогда я этого донимать не стану... А зачем же была эта явка-то подана? И это стало меня до того ужасно беспокоить, что я послал узнать: жива ли портнишкина жена и что с нею и с детьми ее делается? Дворник узнал и говорит: "Ее присуждено выселить и как раз их сегодня выгоняют: за нами за угол набралось уже шесть рублей". - Вот те мне, и ахти мне! А "комчуга" ночью спать не дает и в лица перекидается: задремишь от усталости, а портнишка вдруг является и начинает холодным утюгом по больным местам

как по болвашке (*) водить... И все водит, все разглаживает, да на суставах острым углом налегает...

(* Болвашка - деревянная портновская колодка, на которой разутюживают. (Прим. автора.) *)

И так он меня прогладил, что я поскорее дал шесть рублей, не полегчает ли если уж не на теле, то хоть на совести, - потому, так я уверен, что в бедствиях портновской семьи это моя жестокость виновата. Жена портного оказалась дама чуткого сердца и пришла, чтобы меня благодарить за шесть рублей... А сама вся в лохмотьях, и дети голые... Дал им еще три рубля... А как ночь, так портнишка опять идет с холодным утюгом... и зачем это я только наделал?.. Рассердишься и начинаешь думать: а как же мне иначе было сделать? Ведь нельзя же всякому плуту подачку давать? Так все и сомневаются. А тут пасха пришла... Портному еще полтора месяца в тюрьме сидеть. Я уж давал его жене и по рублю, и по два много раз, а к пасхе надо что-нибудь увеличить им пенсию... Ну, по силам своим и увеличил, да жена его о себе иначе понимать

стала, и на меня недовольна и сердится: - Кормильца нашего, - говорит, - оковал: что я с детьми теперь сделаю. Ты нас убил - тебя Бог убьет. И смешно, и досадно, и жалко, и совестно: несравненно бы лучше было, если бы моя шуба с портным вместе пропала с глаз моих. Было бы это тогда и милосерднее, да и выгоднее: а теперь если хочешь затворить уста матери голодных и холодных детей - корми воровскую семью, а то где твоя совесть-то явится? Заморить-то ведь это и палач может, а ты, небось, за один стол не хочешь сесть ни с палачом, ни с доносчиком... Кормлю я кое-как семью портнишкину, а на душе все противное... Чувствую, что будто я сделал что-то такое, хуже чем чужую шубу снес... И никак от этого не избавиться... И вот под самую пасху, все пошли к утрени, а я больной остался один дома и только чуть-чуть задремал, как вдруг ко мне жалует орловский купец Иван Иванович Андросов... Старичок был небольшой, очень полный с совершенно белой головой, и лет сорок тому назад умер и схоронен в Орле. Последние годы перед своею кончиною он находился в чрезвычайной бедности, а имел

очень богатого зятя, который каким-то неправдами завладел его состоянием. Отец мой этого старика уважал и называл "праведником", а я только помню, что он ходил в садах яблони прививать и у нас, бывало, если сядет в кресло, то уж никак из него не вылезет: он встает и кресло на нем висит как раковина на улитке. Никогда он ни о чем не тужил и про все всегда говорил весело, а когда люди ему напоминали про обиды от дочери и от зятя, то он, бывало, всегда одинаково отнекивался: - Ну, так что ж! - А вы бы, Иван Иванович, жаловались. А он отвечает: - Вот тебе еще что ж! - А помрешь с голоду? - Ну, так что ж! - И схоронить будет некому. - Вот тебе еще что ж! Говорили: он глуп. А он не был глуп: он пришел к нам на рождество и все ел вареники и похваливал. - Точно, - говорит, - будто я тепленькими хлопочками напихался, и встать не хочется. И так и не встал с кресла, а взял да и умер, и мы его схоронили. Ведь такой человек очевидно знал, что делал! "В бесстрашной душе ведь Бог живет". Так-то бы, мол, кажись, и мне следовало сделать: Пропала! - "Ну, так что ж"... А жаловаться? - "Вот те-

бе еще что ж!" И куда сколько было бы всем нам лучше, и самому бы мне было спокойнее.

Тут как я это рассказал, мой обокраденный приятель и взял меня на слове. - Вот, - говорит, - и я думал, так и я все так и сделаю. Ничего я никому не подам: и не хочу, чтобы начали тормозить людей и отравлять всем Христово рождество. Пропало и кончено: "Ну так что ж, да и вот тебе еще что ж"? На этом он дело и кончил, и я ему ничего возражать не смел, но потом досталось мне мучение: в один день довелось мне говорить об этом со многими и ото всех пришлось слышать против себя и против его все несхожее. Все говорили мне: - Это вы глупо обдумали!.. Так только потачка всем.. Вы забыли закон!.. Всякий один другого исправлять должен и наказывать. В этом первое правило.

Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшней новорожденный: наказать или помиловать? Если ты хочешь когда-нибудь "со Христом быть" - то ты это должен прямо решить и как решить - тому и должен следовать... Моет быть, и тебя "под рождество оби-

дели" и ты это затаил на душе и собираешься отплатить?.. Пожалуй, боишься, что если спустишь, так тебе стыдно будет... Это очень возможно, потому что мы плохо помним, в чем есть настоящее "первое правило"... Но ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай - с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона, или с тем, который дал тебе "глаголы вечной жизни"... Подумай! Это очень стоит твоего раздумья, и выбор тебе не труден... Не бойся показаться смешным и глупым, если ты поступишь по правилу того, который сказал тебе: "Прости обидчику и приобрети себе в нем брата своего". Я тебе рассказал пустяки, а ты будь умен, - и выбери себе и в пустяках-то полезное, чтобы было тебе с чем перейти в вечность.